

1

Жилье оказалось лучше, чем я себе представляла. Собственная комната с ванной, даже не комната, а целая квартира: две комнаты — спальня и гостиная, совмещенная с кухней. Квартира просторная, светлая, обставленная со вкусом, оборудованная самой современной техникой, какую только можно было придумать.

Каждый сантиметр моего нового жилища контролировался видеокамерами и, как я скоро поняла, крохотными микрофонами-жучками. Но те хотя бы были спрятаны. В отличие от камер, которые постоянно попадались мне на глаза. Маленькие, но хорошо заметные — в каждом углу на потолке, еще несколько штук в местах, которые не просматривались с потолка: в шкафу, за дверью, в ящиках. Даже под кроватью в спальне и в тумбочке под раковиной. Везде, где мог спрятаться человек.

Передвигаясь по квартире, я все время чувствовала, как эти молчаливые одноглазые надзиратели следят за каждым моим шагом. Тихое электрическое жужжание непрерывно напоминало о том, что кто-то наблюдает за мной. Даже в ванной комнате были камеры слежения. Целых три штуки на такое крохотное помещение: две на потолке и одна под раковиной. И это было неудивительно. Ни в коем

случае нельзя было допустить, чтобы человек поранил себя или, не дай бог, покончил жизнь самоубийством. Только не здесь. Только не сейчас. Пути назад не было... О самоубийстве надо было думать раньше.

В свое время я тоже думала об этом. Я хотела повеситься, или броситься под поезд, или на полной скорости резко развернуться и поехать навстречу движению. Или просто свернуть с дороги в овраг. Но у меня не хватило мужества. Я покорно позволила им забрать меня в назначенное время от ворот моего дома.

На клумбах, где уже несколько недель желтели робкие веснянки, начали распускаться первые подснежники. Было субботнее утро. Я растопила камин. Прозрачный дым еще поднимался из трубы, когда я встала на дороге перед калиткой и стала ждать. День был ясный, холодный и безветренный.

Они приехали на темно-красном джипе. Зеркальные окна отбрасывали солнечные зайчики, пока он медленно проехал через всю деревню и остановился передо мной. Все стекла, кроме лобового и двух передних, были затемнены, но ничто не указывало на то, откуда приехал этот автомобиль: на нем не было никаких надписей или обозначений. Шофер, женщина в черной куртке, вышла из машины, поздоровалась, с улыбкой подняла мою тяжелую сумку и легко закинула ее в багажник, знаком велев мне садиться на заднее сиденье. Я пристегнулась, положила сумочку себе на колени и крепко обхватила ее. Женщина-водитель завела двигатель, и мы поехали. Так и не сказав друг другу ни слова.

Мы ехали часа два. Стекла были такими темными, что за ними невозможно было что-то разглядеть.

Даже если бы я попыталась, то все равно бы не поняла, куда меня везут и по какой дороге. Внезапно машина накренилась, шум стал приглушенным, словно мы въехали в тоннель. Сначала все потемнело, потом посветлело, и машина вдруг остановилась. Звук мотора стих. Дверцу открыли снаружи, и я увидела лица — мужское и женское. Женское широко мне улыбнулось:

— Здравствуйте, Доррит! Вот вы и приехали!

Я вылезла из машины и увидела, что мы находимся в гараже, судя по всему подземном. Мужчина и женщина были одеты в светло-зеленые рубашки с белым логотипом на груди — я узнала его из брошюр, которые прислали мне домой пару месяцев назад. Они представились как Дик и Генриетта. Генриетта добавила:

— Мы будем твоими координаторами.

Она достала мою сумку из багажника и пошла по направлению к лифтам в конце гаража. Здесь было около пятидесяти машин: обычных легковых, джипов и микроавтобусов, но я заметила и машину «скорой помощи». Дик поднял мою сумочку с пола. Я предпочла бы нести ее сама — там были мои самые личные вещи, — но он настаивал, а мне не хотелось устраивать сцену, так что я пожала плечами и пошла вслед за ними к лифту.

Мы поднялись на один этаж. Когда мы вышли из лифта, Дик сказал:

— Этаж К1. Верхнее подвальное помещение.

Мы прошли через холл, где всё — стены, потолок и пол — было красного цвета, к другим лифтам. Вызвали один, проехали еще несколько этажей и вышли на обычной лестничной площадке с двумя дверями, похожими на стандартные двери в жилых домах.

Дик подошел к той, на которой была табличка «Отделение НЗ», и открыл ее. Я оказалась в просторной комнате, напоминавшей приемную в больнице или учительскую. В углу на диване сидела женщина с вьющимися рыжими с проседью волосами и читала журнал. На столе перед ней была чашка чая. По запаху я поняла, что это чай с мятой. Женщина подняла глаза и улыбнулась.

— Это Майкен, — сообщила Генриетта. — А это Доррит.

Я прохрипела что-то, похожее на приветствие, потому что нервничала и почти не могла говорить.

— Я живу тут по соседству, — сообщила Майкен. — Если тебе что-то понадобится или ты просто захочешь поболтать или даже помолчать вместе с кем-то, то я буду дома весь вечер. На двери написано «Майкен Ульссон».

— Хорошо, — выдавила я.

Она внимательно посмотрела на меня. У нее были необычные, зеленые, как у кошки, глаза.

— Не бойся, — добавила она. — Ты мне не помешаешь. Здесь у всех всегда есть время друг для друга.

— Хорошо, — повторила я, не зная, что сказать, и, подумав, поблагодарила: — Спасибо.

Гостиная переходила в длинный коридор с пятью дверями, расположенными на одной стороне. На второй была табличка с моим именем. Дик открыл дверь, и мы вошли внутрь.

Генриетта поставила сумку на пол. Дик положил сверху мою сумочку, повернулся и спросил:

— Хотите, мы останемся ненадолго?

— Нет, — ответила я не слишком любезно.

— Тогда мы уходим, — ответил он. — Не забудьте про общее собрание в два часа.

Он посмотрел на меня изучающе, словно хотел проверить, можно ли меня действительно оставить одну. Я не удержалась и фыркнула. Они вышли, тихо прикрыв за собой дверь.

Я осталась одна.

В комнате было слишком тепло. Градуса двадцать три — двадцать четыре, не меньше. Я не привыкла к такой высокой температуре, особенно в это время года. Я сняла куртку, стащила сапоги, кофту и носки, оставив всю одежду лежать грудой на полу. Стоя босиком, я разглядывала красивый мебельный гарнитур из бука, широкий диван, два обитых кожей кресла и письменный стол в нише. Слева был кухонный модуль, справа — дверь в ванную, а рядом с ней — в спальню. К своему удивлению, я обнаружила там двуспальную кровать. У меня никогда в жизни не было двуспальной кровати. Я расхохоталась и впервые услышала странное жужжание, исходящее от камер, когда одна из них повернулась ко мне своим маленьким немигающим глазом и — как мне показалось — сфокусировалась на моем лице. Я невольно отвела взгляд.